

Сундук / рассказ

Category: HeKaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Сундук / рассказ СУНДУК

На Преображенской улице, во дворе элитного жилого комплекса «Облака», в Подмосковном городе N. стояли мусорные баки, аккуратно огороженные металлической сеткой. В одном из них увлеченно копался Николай Петрович, невысокий и щуплый пожилой мужчина. Был он аккуратно одет, в цвета серые и коричневые, тонкая его шея, не обмотанная шарфом, беззащитно торчала из воротника. Рядом с Николаем Петровичем обстоятельно что-то ел из консервной банки молодой грязный мужичок, то ли бомж, то ли бродяга, в общем, Севка – деклассированный элемент.

– Я тебя понимаю, Петрович! Я б тоже так не смог, когда баба зарабатывает. У каждого человека дело должно быть. Не работа. Работа для идиотов, которые боятся нищеты. А что в нищете страшного? Пожрать всегда можно найти, – он выудил из мусорки пакет с заплесневелым батоном, разорвал полиэтилен и откусил с того бока, где еще не было зеленоватых пятен.

– Инстинкты человеческие нельзя цивилизацией победить, – сказал он набитым ртом, выкидывая пакет. Доев все, что оставалось у батона съедобного, он достал из кармана аптечный пузырек с этикеткой «Березовые почки», скрутил крышку и хлебнул.

– Я вот, например, в душе мечтатель. Мое дело – постигать мироздание умом. Что же поделать, что мне смысл открывается через бухло. Жертвую собой. Я, может, как Христос, только он на кресте умер, а я от водки умру.

Николай Петрович не слушал Севку, он вытряхивал вонючие пакеты и перекладывал мусор из одной кучи в другую. Наконец нашел что-то и заулыбался.

Возле баков остановился черный Гранд Чероки. Тонированное стекло опустилось, из фешенебельной темноты высунулось перламутровое от грима и накаченное филлерами лицо жены Николая Петровича – Раисы Степановны. Она некоторое время

молча рассматривала мужа и вдруг резко выкрикнула:

– Совсем что ли офонарел?!

Николай Петрович нахмурился и, невольно подняв плечи, нахохлился, как воробей.

– Дамочка, я конечно, понимаю, у вас – мандат, но давайте-ка помягче выражайтесь. Интеллигентные люди, – спокойно сказал Севка, аристократично жестикулируя и отставляя на левой руке мизинец с длинным ногтем.

Раиса Степановна оценивающе посмотрела на Севку, губы ее неприятно изогнулись.

– Это ты что ли интеллигент? Таких как ты, интеллигентов, надо за город высылать и в газовых камерах жечь, чтобы воздух не портили!

– Хорошая она у тебя, – Севка с сочувствием посмотрел на Николая Петровича. – Гитлер в юбке.

– Слав, – обратилась Раиса Степановна к кому-то в машине, – у тебя мусорные пакеты есть? Постели, а то загадит. И в машину его.

С водительского места вышел молодой человек в хорошем синем костюме, с аккуратной прической проборчиком на боку. Он бесстрастно открыл багажник, достал рулон.

Николай Петрович держал в руках паяльник и умоляюще глядел на жену. Он словно спрашивал взглядом разрешения взять домой бездомного щенка, к которому уже привязался.

– Брось это! Быстро! – приказала Раиса Степановна.

Николай Петрович спрятал паяльник под куртку.

– Слав, затащи сюда этого придурка.

Слава, все так же, не выражая никаких эмоций, зашел в огороженное сеткой мусорное пространство, бережно приподнял Николая Петровича за шиворот и поволол. Николай Петрович едва успевал переставлять ноги.

– Паяльник отбираем? – исполнительно спросил Слава, останавливая Николая Петровича у машины. Раиса Степановна еще раз посмотрела на мужа, тяжело вздохнула, отвернулась и устало сказала:

– Ладно, оставь.

Слава подтолкнул Николая Петровича к другой двери и заботливо

придержал на сидении полиэтилен, пока тот садился.

Мастерскую Николай Петрович оборудовал в лоджии. Застекленная и утепленная, по размеру она была почти как небольшая комната. Николай Петрович сидел на маленькой табуретке и крутил в руках старый дисковый телефон. Раритетная вещь, найти такой на помойке – редкость. Пожелтевший от времени пластик треснул по бокам, был выломан кусок из трубки, не хватало шильда с названием модели, но Николай Петрович и так знал, это ТА-72М-2Ш. Он любовно водил пальцами по пластиковым ранам телефона, будто мог их таким образом залечить. Николай Петрович взял отвертку и стал откручивать маленькие винтики по бокам аппарата. В лоджию вошла Раиса Степановна.

– Что мне с тобой делать?

Николай Петрович, не поднимая головы, крутил отвертку.

– Объясни мне – зачем? Ведь дело же не в деньгах! Деньги есть! Сколько тебе нужно?

Николай Петрович вынул первый винтик и аккуратно положил на верстак.

– Хочешь, устрою тебя на работу? Охранником пойдешь в Муниципалитет? Или завскладом? Кем ты хочешь быть?

Второй винтик выскочил из резьбы и упал на пол. Николай Петрович наклонился и стал искать его на полу.

– Я – публичный человек, представитель государства! А муж у меня кто? Бомж? Помоечник? Ты понимаешь, как мне стыдно за тебя? Если у меня на интервью спросят, почему муж по помойкам шарится, что отвечать?

Николай Петрович нашел винтик, принялся выкручивать третий.

– Это все из-за Юры?

Николай Петрович замер, а потом пристально посмотрел на Раису Степановну. Была она невысокая, плотная женщина за пятьдесят. Хорошо одетая, ухоженная. Косметические процедуры, которыми Раиса Степановна растягивала и разглаживала кожу, делали лицо пластмассовым, и Николай Петрович больше не мог понять, что чувствует Раиса, и чувствует ли что-нибудь вообще.

– Мне тоже сложно, – дрогнувшим голосом сказала Раиса Степановна, и Николаю Петровичу захотелось ее пожалеть. – Сложнее, чем тебе. Я – мать!

Губы ее приоткрылись, рот расширился, как в улыбке, задрожали ноздри. Было непонятно, смеется она или плачет.

– Только Юру этим не вернуть! – злость наполнила ее голос. – И я сделаю все возможное, слышишь! Все! Чтобы подобное не происходило с другими детьми. А ты? Что делаешь ты? Лазаешь по помойкам?

Николай Петрович тяжело вздохнул, опустил глаза на телефон, начал откручивать последний винтик.

– Ладно, – голос Раисы Степановны стал уставшим. – Делай, что хочешь. Меня только не позорь. Чтобы соседи не видели. За город, вон, на свалку езжай. И говно в дом не тащи. Будет вонять – выкину.

Солнце, поднимаясь в зловонном тумане свалки, освещало мусорный пейзаж теплым утренним светом. Полиэтиленовые пакеты казались полем загадочных космических кабачков. Там, в их пластиковых зарослях скрывались сокровища, за которыми и приехал Николай Петрович.

Он шел в синем, похожем на скафандр, комбинезоне, высоко поднимая ноги, с огромным пустым рюкзаком, с лыжной палкой в руке, похожий на космического Моисея, нашедшего обетованную землю. Лыжной палкой он скovyривал верхний слой мусора, разрывал пакеты, поднимал картонки и переворачивал жестяной хлам. Над Николаем Петровичем кружили чайки.

Николай Петрович приходил на свалку раз в неделю, бродил весь день. Больше всего ему нравилось откапывать старые мобильные телефоны, кнопочные раскладушки. Именно с такого аппарата, с Мотороллы-лягушки все и началось.

Motorolla RAZR. Культовая модель. Их больше не выпускают. У сына был такой телефон, проходил по делу, как улика. Убийство с целью ограбления. Сыну перерезали горло канцелярским ножом. Убийцу поймали, посадили на восемь лет. Телефон вернули

родителям. Он был разбитый, в нерабочем состоянии. Николай Петрович его починил, и через два года после смерти сына увидел ролики, которые снимал Юра на свой телефон: какая-то дача, он ест шашлык, кто-то матерится за кадром, он целуется с девчонкой, разливает пиво в пластиковые стаканы, вот молодые краснощекие лица его друзей. И еще долгий ролик. Закат в поле. Камера трясется. Юра куда-то идет и поет: «Я мог бы выпить море, я мог бы стать другим. Вечно молодым, вечно пьяным».

Мог бы. И смог. Стал вот. Вечно молодым. Николай Петрович не плакал, он просто смотрел снова и снова эти ролики и фото в маленьком разрешении, которые не подходили для печати. Да, были и другие фотографии: Юра маленький, в фуражке, на детском утреннике в саду, Юра в десятом классе. Но в этих, бумажных фото, жизни не было. А в Юрином телефоне была. И Николай Петрович смотрел на экран и бережно держал телефон в руке, как птичку, маленькую и живую. Николаю Петровичу казалось, что в руках у него Юрина душа. И надо беречь ее как зеницу ока.

А потом он начал чинить другие телефоны. Ему нравилось оживлять их. И как-то так вышло, что Николай Петрович стал таскать домой фотокамеры, магнитолы, игровые приставки, телевизор, целый почти ноутбук. Брал и прочее: дырокол, музыкальная шкатулка, дисковый телефонный аппарат. Однажды он нашел вполне годную еще репродукцию в раме и повесил в лоджии над верстаком. На репродукции был изображен странный юноша, который летел над деревней и нес синюю женщину с вытянутой вперед рукой. Николай Петрович не мог точно сказать, чем ему нравилась эта картина, наверное, ощущением полета, которое испытывал он сам, когда бродил по свалке. А еще юноша этот чем-то напоминал Юру.

По субботам Николай Петрович привозил отремонтированные находки на рынок.

Он приезжал на своем стареньком, но еще бодром «Москвиче» и раскладывал вещи на деревянных ящиках рядом с ТЦ Орхидея, молча сидел рядом. Покупали редко. Спрашивали, но так, ради

интереса. Николай Петрович был неразговорчив, и болтуны быстро теряли к нему интерес. Телефоны скупали азербайджанцы, кое-что Николай Петрович за бесценок сдавал в мастерскую по ремонту бытовой техники. Остальные вещи были никому не нужны. Да и не умел Николай Петрович торговать.

Тем не менее, стоять на рынке, в окружении отремонтированных вещей, было для Николая Петровича счастьем сродни тому, что испытывает мать, выводя своих детей на прогулку. Иногда к нему приходил Севка, и если вид его был приличным, если он не сильно вонял, Николай Петрович позволял ему «постоять за прилавком», так как Севка травил фантастические байки про каждый предмет.

– Вы держите в руках не просто дырокол. Это дырокол со стола последнего председателя ЦК профсоюзов Мальцева. Им его и убили. Балашихинская братва что-то с Люберецкой не поделили, а он вроде как между ними встрял. Не дырокол, Мальцев. Долгая история. Там в конце концов положили всех. Стол, кабинет, здание – все сгорело. А дырокол как орудие убийства шел. Да вы не бойтесь, кровь помыли, спиртиком продезинфицировали, берите – раритетная вещь.

– По этому телефонному аппарату Данила Бодров Салтыковой звонил. «Брат-2» смотрели? Был там такой момент. Телефон этот с квартиры Салтыковой, она его выкинула, когда делала ремонт. Хотела сначала фанатам продать, но потом че-то передумала, может, разозлилась. Ничего же у нее не вышло с Бодровым, убежденный он был однолюб. Я этот телефон сам подобрал, мне ее уборщица намекнула, что, мол, непростой аппаратик, за большие бабки можно продать. А я вот отдаю за бесценок.

– Знаете, кому принадлежала эта трубка? Не тому, про кого вы подумали. Те трубки в музее современной истории лежат. А эта принадлежала известному писателю, маргиналу. Антонов, слышали про такого? Легенда литературного института. Он еще будет знаменит. Понюхайте. Пахнет дымом? Чувствуете? Это не табак, это запах русской литературы.

Николай Петрович слушал Севку как замороженный. Он эти моменты любил. Его вещи, в которые он вдохнул жизнь, приобретали истории и души. Николай Петрович знал, что Севка брешет, но

какая ему была разница, правда это или нет. Нигде в мире Николай Петрович не видел правды.

В один из дней блуждания по свалке Николай Петрович нашел вещь необычную. Ящик из темного некрашеного дерева, скупоблескивающий кованными углами, стоял на укатанной площадке из мусора и как будто ждал. Сундук был большой, почти по пояс Николаю Петровичу, имел металлические ручки по бокам. Крышка его оказалась плотно закрыта, замка или другого запорного устройства Николай Петрович не нашел.

Он волок сундук несколько часов. Судя по весу, в нем что-то лежало. Когда после полудня, умаявшись и вспотев, Николай Петрович дотащил-таки сундук до машины, уже был влюблен в него, и в то неизвестное, что в нем хранилось. Кое-как, разрывая обивку, Николай Петрович впихнул сундук на заднее сидение и повез домой.

Дома Николай Петрович осмотрел края, тщательно прощупал по периметру линию, где крышка смыкалась с корпусом. Никаких запорных устройств. Ни скважины, ни потайного замка.

— Как ты его допер-то! — спросила Раиса Степановна, увидев сундук. — Небось, думаешь, в нем клад. Какие-нибудь пиастры.

Николай Петрович не ответил, только посмотрел на ее ступни, обтянутые капроном. Раньше, когда они были молоды, он любил тонкие лодыжки и маленькие ступни своей супруги. Теперь на них появились эти уродливые шишки. Вальгусная болезнь. И когда он смотрел на ее ступни, ему становилось жаль Раису.

— Чего ты с ним возишься? Топором руби и все. Если нет ничего, обратно его на свалку.

Но сундук все стоял в центре лоджии и, казалось, занимал собой все пространство. Массивный, из грубо оструганных, потемневших от времени досок, опоясанный тусклыми полосами металла. Николай Петрович, пытаясь представить, что за тайна скрыта внутри, бредил кладом. Что бы там ни было, ему казалось, что оно может его спасти. Как спасти? От чего? — об этом Николай Петрович не думал. Он хотел только одного — открыть сундук, не

повредив его цельность. Это почему-то было важно для него. Но открыть все не получалось.

Как-то утром Раиса Степановна зашла в лоджию и бросила на крышку сундука топор:

– Вот, руби. Специально купила. Давай, на моих глазах! Хочу убедиться, что там ничего нет.

Николай Петрович не шелохнулся.

– Не будешь? – она взялась за полированную ручку топора. – Тогда я сама.

Раиса Степановна замахнулась. Николай Петрович перехватил ее руку, дернул топор. Она не отдавала. Николай Петрович дернул сильнее.

– Так, значит? – Раиса Степановна выпустила рукоятку, отпихнула от себя мужа и отошла. – Ну ладно!

Губы ее сжались в линию, подбородок дрожал.

– Посмотрим еще, кто кого.

Когда позвонили в дверь, а не в домофон, Николай Петрович не особенно удивился, пошел открывать. Может, пришли подписи собирать или опять проверяют газовую систему. Но за дверью стоял Севка, одетый в парусиновую белую куртку на голое тело и белые холщовые штаны.

– К вам как в белый дом, хрен прорвешься, – сказал он, без приглашения входя в квартиру. – Пришлось консьержке взятку дать. Она у вас анекдоты любит. Жаркая баба. Дружище! Можешь сотку одолжить? У меня такое экзистенциальное настроение, хоть с моста сигай.

Деньги Николай Петрович хранил в маленькой поясной сумке, которую клал на полку над сверлильным станком. Он прошел в лоджию, Севка, разувшись, аккуратно поставил заклеенные скотчем кроссовки на обувную полку и последовал за ним.

Пока Николай Петрович доставал сумку, Севка рассматривал сундук.

– У бабки моей такой был. Померла бабка. Не знаю, куда он потом делся. Выкинули, небось.

Севка склонился.

– У него тут секретик, – он поддел что-то длинным ногтем.

Сундук открылся.

Николай Петрович обернулся и выронил кошелек, из которого звонко рассыпалась мелочь, и одна монета, звеня, закатилась под стол.

– Пустота! – изумленно глядя в сундук, сказал Николай Петрович.

– Так ты че, не знал? – Севка опустился на пол и проворно подобрал деньги, в том числе закатившуюся в угол монету. – Ладно, я пошел. Должен буду. Бывай.

Николай Петрович смотрел в пустой сундук и напряженно о чем-то думал. Наконец он достал из выдвижного ящика ту самую Моторолу-лягушку, включил. Какая-то светлая и простая мысль озарила его лицо. Николай Петрович прижал телефон к груди, сел в сундук и аккуратно закрыл за собой крышку. Потайной замок тихо защелкнулся за ним.

Заходящее солнце освещало сундук. Металлическая обивка по углам тускло сияла, а внутри светилась голубоватым сиянием Моторола. Николай Петрович, засыпая от недостатка воздуха, так и держал телефон в руках, и пока был в сознании, жал на «плей», снова и снова слушая голос Юры. «Я мог бы стать рекою, быть темною водой. Вечно молодой, вечно пьяный». А когда видео прокрутилось и остановилось в последний раз, Николай Петрович уже сам шел рядом с сыном по полю или по свалке, или летел над городом, держа Юру подмышкой.

Раиса Степановна открыла дверь, вошла в квартиру, быстро заглянула все комнаты, в лоджию – никого.

– Да, поднимайтесь. Как минимум двое, а лучше четверо, – сказала она кому-то по телефону. – Нет, денег больше не дам. Тут работы на пять минут.

В квартиру зашли четверо таджиков в одинаковых синих куртках. Двое из них были в возрасте, двое – молодые, но Раиса Степановна все равно не могла их различить

– Не разувайтесь! Сюда, – она повела их в лоджию. – Берите. Несите в контейнер, только в строительный. Я пока вызову мусоровоз.

Таджики, дивясь тяжести, тащили сундук к выходу, запихивали в грузовой лифт. По улице и вовсе несли с передышками. У контейнера они хотели бросить сундук, не поднимать на высоту борта – это казалось делом немыслимым. Раиса Степановна сказала, что надо закинуть внутрь, иначе она не заплатит.

Таджики долго мучились, действуя неумело. Когда сундук все же удалось опрокинуть в контейнер, Раисе Степановне показалось, что кто-то удивленно охнул.

Контейнеровоз уже подъехал и ждал. Раиса Ивановна еще поторговалась для приличия, стараясь сбить цену, но все же заплатила, сколько водитель просил. Он погрузил контейнер на платформу и уехал.

Посреди свалки стоял сундук. Массивный, из грубо оструганных, потемневших от времени досок, опоясанный тусклыми полосами металла, на которых сияли на солнце капли воды. Только что прошел дождь, и над свалкой струилась радуга. В небе под ней неторопливо кружили чайки.

Об авторе: МАРИЯ КОСОВСКАЯ

Родилась в Москве. Окончила Московский Горный Университет и Литературный институт им. Горького, отделение прозы. Публиковалась в альманахе «Тверской бульвар», литературных журналах: «Литературная учеба», «Волга», «Сибирские огни», в интернет-журналах: «Кольцо А», «Литerrатура», «ТЕКСТ.express», «Сетевая словесность», «Литературный оверлок» и других. Соавтор (автор текста) детской книги про бактерий «Приключения Тима в мире бактерий». Участник Семинара молодых писателей при СПМ в 2017 году. Член Союза Писателей Москвы. Neкаýalar